

Гражданской общество и информация

ПОДБЕРЕЗКИН Алексей Иванович - профессор, доктор исторических наук
САНГУЛИЯ Марина Нодариевна - аспирантка Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Часто использование модных терминов затеняет существо проблемы. Это происходит и с термином «гражданское общество», которое за последние годы в России стало популярным, модным, даже расхожим выражением. Появилось и немало работ, в том числе не всегда качественных. Видимо, наше общество находится на той стадии, когда начался процесс сбора информации и первоначального осмысления. Параллельно, размышляя о сути гражданского общества, авторы приходят к принципиальным решениям. В подобной обстановке неизбежен вывод о том, что «руководству страны необходимо принимать принципиальные, причем неординарные политические, административные, экономические и оборонные решения. Суть их будет заключаться в выборе алгоритма развития страны в условиях глобализации. В ситуации перехода ведущих государств к информационной стадии развития этот выбор становится для России не только политическим, но и историческим, т.к. определяет место страны в мире и в истории человечества на ближайшие десятилетия»¹.

За 2001-2006 годы на уровне общественности и власти были организованы многочисленные мероприятия – форумы, конференции, круглые столы, на которых проблема становления институтов гражданского общества в России становилась предметом обсуждения. В этот процесс оказались втянуты десятки тысяч ученых, общественных и политических деятелей.²

Между тем складывается впечатление, что постепенно исчезает понимание актуальности, практической значимости решения этой проблемы. Но эта проблема имеет исключительную важность не только для всего человечества, но и для сегодняшней России. Развитие институтов гражданского общества, приобретение ими новой политико-экономической роли и значения превратилось в первом десятилетии XXI века в ведущую глобальную тенденцию развития. Более того, в важный политический и экономический фактор³.

Таким образом, проблема развития институтов гражданского общества в современном мире приобрела огромную цивилизационную практическую значимость. Если коротко, то суть вопроса такова.

Первое: развитие институтов гражданского общества стало ведущей тенденцией в развитии стран-лидеров. Эти институты постепенно вытесняют и замещают государственные институты. Это сказывается как на повышении эффективности управления обществом, так и на экономической эффективности.

Приведем пример США, где за последние 40 лет объемы пожертвований выросли с 70,0 млрд. до 250 млрд. долл. (т.е. равняются сегодня примерно российскому бюджету). На практике это означает, что из негосударственных средств тратится на:

- религию - около 90 млрд. долл.;
- сферу услуг – около 20 млрд. долл.;
- общественные блага и здоровье – более 12 и 200 млрд. долл., соответственно;
- международные отношения – более 5 млрд. долл.

Эти негосударственные расходы намного превосходят все государственные российские расходы на аналогичные сферы деятельности.

При этом развитие институтов гражданского общества отнюдь не всегда имеет только позитивное влияние. И в этом смысле «чистый» либерализм уже доказал свою несостоятельность 11 сентября 2001 года: террористические, экстремистские организации, радикальные исламистские (и не только, но и протестантские, католические и т.д.) общественные организации – все это также институты гражданского общества.

Второе: общественное и государственное устройство будущих стран-лидеров, эффективность их политики будут прямо зависеть от развития институтов гражданского

общества. Можно даже допустить, что жизнестойкость ведущих государств будет обеспечена степенью развития институтов гражданского общества.

Обсуждение закона об НКО в России осенью 2005 года, «шпионский скандал» зимы 2006 года показали, что российское общество и власть не только понимают сегодня значение НКО и других институтов гражданского общества (что, надо признать, произошло неожиданно), но и уделяют этому фактору большое внимание.

Особое значение эти тенденции приобретают в условиях снижения авторитета и доверия к официальным представителям власти, доверия к институтам демократии, политического кризиса и попыткам каких-либо влиятельных сил дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию⁴.

Это – новая важнейшая закономерность развития глобальных процессов: роль институтов гражданского общества становится не просто важным, но и решающим фактором политического, экономического и научно-технического развития страны. Причем не только позитивным, но и негативным.

В России все же очевидно недооценка роли этого фактора. Хотя в 2004-2005 годах администрация Президента и лично В.Путин предприняли заметные шаги (был создан Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, принят Закон и сформирована Общественная палата России, выделено 500 млн. рублей на финансирование институтов гражданского общества с 2006 года, увеличено финансирование партий и усилена их роль в политической системе страны и т.д.) по ускорению этого процесса, радикальных изменений, естественно, не произошло.

Объясняется это следующими факторами:

Во-первых, отставание России, которая на 70 лет практически «выпала» из объективного процесса развития институтов гражданского общества.

Во-вторых, укрепление институтов государства в 2000-2006 годах в ряде случаев наносило ущерб развитию общественных институтов. Демонстративная попытка смены курса Президентом РФ в этом отношении в 2004-2006 годы не смогла в полной мере нейтрализовать эту тенденцию.

Можно согласиться с известным политологом А.Салминым, который категорически утверждает, что «в целом, механизм прямой и обратной связи между государством и тем, что в «развитых демократиях» называется гражданским обществом, отличается общей неэффективностью. Именно это звено общественной организации наиболее активно замещается различными «злокачественными новообразованиями». И именно оно в наименьшей степени поддается реформированию или санации»⁵.

В-третьих, медленный рост средних слоев, так называемого «среднего класса», который в социальной структуре России так и не превысил 20-25%. Социальная база институтов гражданского общества оказалась недостаточной.

Объясняется это и тем, что в России не сложилась национальная элита в полном смысле этого слова. Ошибки, трагедии и преступления последних 20 лет современной политической истории России во многом, даже в главном, объясняются не объективными, а субъективными причинами.

Напомним, что ее главными качествами должны стать ответственность и способность к стратегическому прогнозу. Элита, сформировавшаяся в стране на сегодняшний день, не профессиональна, безответственна, она не способна прогнозировать последствия принимаемых решений, разработать эффективные механизмы их реализации.

Как справедливо подчеркивает Д.А. Новиков: «Причина в том, что мало принять закон или распоряжение – необходимо предусмотреть механизмы их реализации»⁶. Реализация ФЗ-122 – типичный тому пример. В принятом законе предусматривалось принятие дополнительно региональными властями и федеральными министерствами и ведомствами сотни нормативных документов, т.е. механизмы реализации этого закона отсутствовали изначально.

Ее профессиональные и нравственные качества абсолютно не соответствуют уровню задач, стоящих перед государством и обществом, ориентирующимися на постиндустриализм и информационные технологии. А требования эти перед элитой будут неизбежно расти. Как и потребность в профессиональной элитологии.⁷

В ближайшие четверть века можно предположить, что будут усиливаться следующие тенденции⁸.

В последние годы можно прогнозировать дальнейший рост влияния телевидения на массового зрителя за счет внедрения новых виртуальных эффектов, вызывающих дополнительное доверие. Несмотря на то, что наиболее вероятным является углубление указанных тенденций в ближайшие годы, существуют и факторы, которые могут привести к уменьшению манипулятивной роли телевидения:

- Во-первых, в случае смены государственной стратегии на просветительскую произойдет введение научных фильтров в государственных СМИ. Это позволит сделать телевидение столь же мощным инструментом просветительского проекта, насколько сегодня телевидение является каналом разрушения рациональности массового сознания;

- Во-вторых, развитие интернета в обозримой перспективе позволит ему составить конкуренцию телеканалам в информировании и применении видео средств, что будет вести к ослаблению целенаправленного манипулирования сознанием, вынудит применять более тонкие и изощренные формы борьбы за мнения зрителей (пользователей). Продолжится рост влияния интернет-изданий на интеллектуальный слой.

- Значительно расширилась роль религии и церкви в жизни общества. С конца 90-х годов нарастает тенденция противодействия нетрадиционным вероисповеданиям - «борьба с сектами».

- Эволюция общественно-политической системы при сохранении существующих социально-экономических условий стоит перед альтернативой:

1. Усиление авторитарных черт при сохранении существующих конституционных институтов и формальных демократических процедур. Усиление политической роли контролируемого государством телевидения, PR-технологий и административного ресурса. При этом авторитаризирующийся режим может носить как олигархический, так и популистский характер.

2. Укрепление либеральных политических институтов, манипулятивности управления и политической «прозрачности». Рост политического влияния бизнес-групп, связанных с транснациональным капиталом, с одной стороны, и гражданских организаций – с другой.

Выбор пути социально-политического развития России после серии произошедших в начале XXI века переворотов рассматривается в контексте «бархатной революции». Существует ли ее перспектива в России?

Исходя из опыта «классических» революций, революцию можно кратко охарактеризовать как социально-политическую конфронтацию по поводу принципов организации общества, преодолевающую существующую легитимность. Социально-политический, массовый характер действий, слом легитимности – это форма революции.

Так, очевидно наступление периода «электронной демократии», что не может не сказаться на развитии политической системы страны.

В Европе самыми активными пользователями интернета являются жители скандинавских стран: согласно данным статистического бюро ЕС, регулярно выходят в Глобальную сеть три скандинава из четырех. По данным недавних исследований список самых Интернет-активных стран возглавляет Швеция, где услугами Глобальной сети пользуются 82% населения. Второе место делят Дания и Финляндия, где регулярными пользователями интернета являются около 70% населения. Из двадцати пяти стран-членов Евросоюза менее всего интернет популярен в Греции (число регулярных пользователей Сети составляет около 25%). Среди Интернет-пассивных стран числятся Венгрия (пользователи интернета составляют 28% населения), а также Литва, Польша и Португалия (пользователи Сети составляют 29% населения). Судя по сегодняшней европейской статистике, наступление электронных систем голосования начнется с Севера Европы.

В России по частоте использования интернета американцев и европейцев обгоняют только московские студенты. По данным опросов, около 85,9% московских студентов регулярно используют интернет. При этом ежедневно подключаются к Сети около 39% участников опросов, два-три раза в неделю используют интернет около четверти студентов и один раз в неделю – около 11% опрошенных.

Таким образом, студенческое сообщество в крупных городах может стать первой опытной площадкой для испытания электронных систем голосования. Для организации

достоверных опросов и референдумов среди студентов сегодня не хватает только системы идентификации личности и соответствующей поддержки избирательных комиссий. Если же проблема идентификации будет решена, то в стране может появиться первая «мгновенная» система голосования, отражающая мнение избирателей в реальном времени или сразу после завершения голосования.

Вместе с тем, если говорить не о студентах, а обо всех гражданах России, то ситуация выглядит менее оптимистично.⁹ Как и раньше, оптимистичный рост обеспечивает молодежь в возрасте 18-24 лет. Процент людей среднего и старшего возраста остается на прежнем уровне.

В общемировых рейтингах Россия уступает Бразилии (22%), если говорить о доле интернет-пользователей. Однако нашу страну неизменно выручают ее масштабы: по абсолютному количеству пользователей Сети мы почти сравнялись с Францией (23 млн. человек).

Между тем, говоря об институтах гражданского общества, следует иметь в виду, что именно их развитие — основной неиспользованный резерв в ускорении темпов экономического и социального роста.

Можно условно выделить несколько возможностей активизации этого резерва. С экономической точки зрения, например, развитая сеть институтов гражданского общества — это сотни тысяч общественных организаций, в т.ч. СМИ, образовательных учреждений и т.д., которые не только создают новые рабочие места, но и являются более эффективными формами деятельности, чем обычные коммерческие, а тем более государственные структуры.

Кроме того, они, как показывает опыт, могут заменять государственные органы, выполняя их функции, как правило, более эффективно. Это относится, прежде всего, как показывает зарубежный опыт, к стремительно расширяющейся социально-экономической сфере, науке, образованию и культуре. Эти отрасли экономики знаний будут решающими. И их успешное развитие во многом зависит от степени развития институтов гражданского общества.

В России у государственной элиты, в широком смысле этого слова, до сих пор не сложилось мнение о приоритетности указанных вопросов, их огромном прикладном экономическом значении. Институты гражданского общества рассматриваются чаще всего лишь в одном, общественно-политическом аспекте, как инструмент давления на власть.

Подобный упрощенный подход лишает содержательности, возможности эффективного использования инструментов гражданского общества в интересах развития нации и государства, прежде всего, экономического. Важно подчеркнуть, что, развивая эти институты, государство и общество, по сути, открывает новые каналы развития, в т.ч. экономические и научно-технические.

Важен и другой, внешнеполитический аспект. Сегодня институты гражданского общества становятся самым важным инструментом внешней политики, вытесняя прежние — классическую дипломатию и военную силу. Слабость России в этой области становится уже внешнеполитической слабостью.

¹ С.А.Абакумов. Гражданское общество и власть: противники или партнеры? - Информационный центр «Признание». – 2005. - С.19.

² С.А.Абакумов. От гражданского Форума до создания Общественной палаты РФ (2001-2005). М.: Признание. - 2005.

³ А. Батанов, В.Зоркальцев, А.Подберезкин, С.Стреляев. Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. М., 2005.

⁴ А.Шубин. Россия – 2020: будущее страны в условиях глобальных перемен. В кн.: Россия и мир в 2020 году. М.: Европа, 2005. - С.181.

⁵ А.Салмин объясняет это состояние в основном слабостью партийной системы и местного самоуправления, что, на наш взгляд, совершенно справедливо: «От развитой демократии нынешний российский режим отличают не только присутствие перечисленных «лишних» элементов, но и некие «зияния» – «институционные вакансии». Наиболее существенные из них возникают и сохраняются на границе государства и общества и связаны, в первую очередь, с пока что очевидной неспособностью общества к последовательной политической самоорганизации для защиты собственных интересов.

На протяжении десятилетия в России не может сформироваться эффективная партийная система. По-настоящему организованной массовой партией по-прежнему остается «реликтовая» (в указанном выше смысле) коммунистическая. Самая крупная из «новых» – ЛДПР, не особенно скрывающая своей ориентации на маргиналов. Остальные представляют собой причудливые сочетания клубов и фрагментов государственной бюрократии, отражающие истории их былых «романов» с властью. Большинство даже крупнейших партий, имеющих существенное влияние в Думе, остаются партиями-однодневками, лишенными внятной программы, ориентированной на понятные и принятые обществом идеалы и ценности.

Очевидна слабость в России местного самоуправления. Так, однако, где его элементы существуют, они нередко подвержены криминализации едва ли в меньшей степени, чем общественные объединения (А.Салмин. Какую Россию мы строим? // Стратегия России. – 2005. - № 9 (21). - С.10.

⁶ Д.А.Новиков. Теория управления организационными системами. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. - С.3.

⁷ См. подробнее: Г.К.Ашин. Элитология. М.: МГИМО(У), 2005. - С.14-15, где он, в частности, отмечает: «Термин «элитология» – российская новация. Он введен в научный оборот в 80-х годах и получил широкое распространение в российских общественных науках, начиная со второй половины 90-х годов, когда был опубликован ряд работ по этой проблематике. Можно смело сказать, что сложилась российская школа элитологии».

⁸ Автор согласен в целом с прогнозом А.Шубина. (Россия – 2020: будущее страны в условиях глобальных перемен. М.: Европа, 2005. - С.182-183).

⁹ ГИПП:ФОМ: Рунет продолжает плавно расти \\ <http://www.gipp.ru/oppennnews/> 26.01.2006.